

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

—
II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 34

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914

21 АВГУСТА.

Рис. Ре-ми.

На поляхъ сраженій въ Бельгіи нѣмцы послѣ битвы повсемѣстно добывали раненныхъ враговъ.

(Сообщ. французск генер. штаба.)

НѢМЕЦКІЙ ОРЕЛЪ НА ПОЛѢ СРАЖЕНІЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВЪ ТРУСЛИВАГО ВОРОНА.

ВСЕГДА ДЖЕНТЛЬМЕНЫ.

— На насъ, австрийцевъ, даже ужасныя условія войны не дѣйствуютъ. Мы остаемся всегда джентльменами и такъ же, какъ и въ мирное время, пропускаемъ впередъ женщинъ и дѣтей.

А Г А С Ѡ Е Р Ъ.

Безмѣрно-горестно скитанье, —
Напрасно смерти алчеть плоть...
Опять послалъ мнѣ испытанье
Благой, всеправедный Господь.

Плачь, АгасѠерь, терпи дотолѣ,
Во прахѣ дни свои влача, —
Пока пребудеть мѣръ въ неволѣ
У соблазненныхъ отъ меча.

Воитель новый грозно мыслить
Законъ свой кровью начертать,
Но персть Господень въ битвахъ числитъ
Его насильственную рать.

Съ Иерусалима всѣ паденья
Царей и царствъ провидѣлъ я,
Мгновенной славы оскудѣнье
И срокъ земного бытія.

Вѣщаю: дерзостному горе
И помраченію вѣнца...
Да одолѣетъ въ этомъ спорѣ
Понесшій жертву до конца.

Александръ Рославлевъ.

ВОЙНА И КУРОРТЪ.

Платья модныя, черныя съ бѣлымъ,
Дамы надѣнуты по случаю траура,
И туфельки начисто выбѣлять мѣломъ
И снова пойдутъ на рѣку Жуэвару.
Пойдутъ къ водопаду, къ пещерѣ святого,
Сегодня пикникъ, и завтра прогулка...
И будетъ въ горахъ отдаваться гулко
Случайное эхо веселья пустого.
А утромъ, за кофе, на свѣтлой терассѣ,
Слуга георгинами столикъ украсить,
И ляжетъ межъ ними, на бѣлый столикъ
Опять телеграмма, полная боли.

М. Моравская.

ЗАДАЧА ДЛЯ ДѢТЕЙ САМАГО СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Надъ большой географической картой, утыканной десятками флажковъ, склонились двое: начальникъ австрийскаго генеральнаго штаба и главнокомандующій австрийскими сухопутными силами.

Разговоръ шель серьезный, дѣловой...

— ...Ну, хорошо! А если мы вотъ сюда передвинемъ вторую чешскую дивизию, подсыплемъ немного венгерской конницы...

— Куда?! Сюда?! Да вѣдь тутъ отъ русскихъ — рукой подать...

— Ну, и что же? Конечно, чешскій солдатъ — солдатъ ненадежный, но если его венгерская конница будетъ сдерживать...

— То-есть, какъ сдерживать? Чтобы онъ не ринулся въ бой? — иронически спросилъ начальникъ штаба.

— Нѣтъ... Чтобы онъ не перешелъ на сторону русскихъ.

— Чорта съ два ваша венгерская конница его сдержитъ, если чеховъ втрое больше, чѣмъ венгерцевъ. Какъ только увидятъ чехи русскую солдатскую рубаху, сейчасъ же: «Не стрѣляйте, товарищи! Мы съ вами!». Знаю я ихъ.

— Тогда мы сдѣлаемъ такъ: пошлемъ чешскую дивизию на французскую границу, а на востокъ двинемъ, вмѣсто нея, галиційскую седьмую.

— Здравствуйте! А галичане — китайцы, что ли? Такие же русскіе, какъ и чехи. Этакій скверный народишка... Спать и видить, какъ бы русскимъ передаться.

— А если мы мадыарскую пѣхоту имъ для острастки подсунемъ?

— Идея, нечего сказать! Я понимаю, когда мадыаръ больше, чѣмъ галичанъ. Они тогда, какъ только замѣтятъ, что галичане бѣгутъ къ русскимъ, — могутъ на нихъ кинуться и молодецкимъ ударомъ разбить этихъ жуликовъ... Или даже просто отогнать ихъ отъ русскихъ.

Начальникъ штаба потеръ лысину.

— Гм... да! А представьте себѣ, что эти галичане не только побѣгутъ къ русскимъ, а прежде всего кинутся на мадыаръ и начнутъ ихъ колотить...

— Но вѣдь мадьяръ будетъ больше!

— А русскихъ вы забываете? Что же, они будутъ стоять въ сторонѣ да смотрѣть, какъ галичане дерутся съ венгерцами?

— Положеньице! А я такъ и хотѣлъ: думаю — галичанъ двинуть на русскую границу, а пятую трансильванскую дивизию оставить для защиты румынской границы. Что-то Румынія мнѣ очень подозрительна!

— Ребенокъ вы! Какъ же это вы двинете трансильванцевъ къ румынской границѣ?! Вѣдь они сейчасъ же, въ случаѣ чего, передадутся румынамъ!

— Въ такомъ случаѣ двинемъ румынъ на восточную границу, а чеховъ двинемъ вотъ сюда.

— Двиньте, двиньте! Вѣдь тутъ же Сербія! Они вамъ двинуть такое...

— Неужели сербамъ передадутся? — съ тоской спросилъ главнокомандующій.

— И не поморщатся! Вы себѣ представить не можете, какой это каверзный народишка!

— Ба! Забылъ... Вѣдь у насъ есть корпусъ, гдѣ почти всѣ поголовно поляки... Мы его, значить, двинемъ на восточную границу...

— Куда прешь, борода... pardon! Я хотѣлъ только сказать, что вы заблуждаетесь... это неудобно. Тамъ какъ разъ русскіе поляки... Увидятъ наши поляки тѣхъ и передадутся...

— Вы думаете — передадутся?

— Пари держу!..

— А если мы подсыплемъ парочку мадьярскихъ дивизій?

— Одинъ такой подсыпалъ!.. То-есть, pardon, я хочу сказать, что это тоже неудобно. Вѣдь вы хотѣли мадьяръ сосредоточить, главнымъ образомъ, у сербской границы. Такъ?

— Ну, такъ.

— Такъ вѣдь тогда у васъ мадьяръ не хватить, если вы будете подсыпать ихъ ко всякому славянскому полку. Туда мадьяры, сюда мадьяры...

— Гм... вѣрно. Такъ я тогда знаю, что мы сдѣлаемъ: всѣхъ мадьяръ съ сербской границы передвинемъ на востокъ, а поляковъ, вмѣсто русской границы, пошлемъ на Сербію.

Начальникъ штаба хмуро замѣтилъ по-нѣмецки:

— Изъ кулька въ рогожку... Не будутъ поляки драться съ сербами.

— Передадутся?

— Ясно. Мы, скажутъ, такіе же славяне, какъ и вы. Ну, тутъ, конечно, «Живіо! Вивать!» — и все пойдетъ у насъ къ чорту.

— А если мы разбросаемъ этикія прокламаціи, что, моль, гербы устроили заговоръ, чтобы перерѣзать всѣхъ поляковъ и захватить ихъ царство...

— Очень остроумно! У поляковъ-то и царства нѣтъ. Курица польская — и та не повѣритъ такой ерундѣ!..

— Положеньице, черти бы его разорвали! А если, вмѣсто этого, взять да чеховъ на русскую границу, а трансильванскую дивизию...

— Говорили уже!

— Позвольте, я спутался... Начнемъ съ начала: мадьяръ — на русскую границу, галичанъ на сербскую, чеховъ... куда же мы чеховъ сунемъ?

— На французскую границу?

— Еще вы скажите — на персидскую! Только намъ и заботы, что съ французами драться... Куда же мы чеховъ сунемъ? Оказія! Вотъ каверзные людишки! Куда ихъ ни сунь — все плохо.

— Не попробоватъ ли такъ: разъ у насъ не хватаетъ мадьярскихъ полковъ для надзора за польскими и чешскими — давайте попробуемъ перессорить нашихъ поляковъ съ нашими чехами... Разбросаемъ прокламаціи, что чехи хотятъ возродить чешское королевство и забрать себѣ Варшаву.

— Отъ чьего же имени мы составимъ прокламаціи?

— Отъ русскаго.

— И глупо. Кончится тѣмъ, что если поляки испугаются чеховъ — они побѣгутъ къ русскимъ, не испугаются — снюхаются съ чехами и, все равно, перебѣгутъ къ русскимъ!

— Ну, и имперія наша, чтобъ ей провалиться! Какъ ни выкраивай, все ерунда получается.

— Я знаю, что дѣлать, — утрюмо проворчалъ главнокомандующій, положивъ тяжелую, покрытую рыжимъ пухомъ, руку на карту. — Мы пошлемъ впередъ на Россію чешскіе полки...

— Но они передад...

— Пойдите! Пошлемъ чешскіе полки! Въ тылу у нихъ будутъ стоять галичане. Если чехи побѣгутъ къ русскимъ, галичане должны обрушиться на чеховъ!.. Такъ? Теперь, предположимъ, и галичане побѣжали къ русскимъ... Въ такомъ случаѣ, мы ставимъ въ тылъ галичанамъ боснійскіе полки, а боснійцамъ въ тылъ нашихъ вѣрныхъ мадьяръ. Такъ?

— Такъ-съ.

— Теперь получится такъ: появляются русскіе — чехи бросаются къ нимъ. Командиры галичанъ командуютъ — «палі въ чеховъ!». Но галичане, вмѣсто этого — бѣгутъ къ русскимъ. Боснійскіе командиры командуютъ сейчасъ же своимъ боснійцамъ: «пли по галичанамъ!». Но и боснійцы, скажемъ, бѣгутъ къ русскимъ. Тутъ ужъ вступають въ дѣло наши храбрые мадьяры... Обрушиваются сначала на бѣгущихъ боснійцевъ; смявъ ихъ, обрушиваются на галичанъ; смявъ ихъ, обрушиваются на чеховъ; смявъ ихъ обрушиваются на русскихъ; смявъ ихъ, обрушиваются на...

— Стойте! Дальше уже никого нѣтъ.

— Нѣтъ? Ну, и слава Богу. Всѣ, значить?

— Всѣ.

— Ффу!

Главнокомандующій вытеръ лобъ краснымъ платкомъ и сказалъ тяжело:

— Чрезвычайно трудная профессія — война!

— И въ особенности, когда ее ведетъ такая дурацкая страна, какъ наша!

Аркадій Аверченко.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ИЗРЕЧЕНИЕ.

Извѣстное изреченіе Вильгельма:

— «Будущее Германіи — на водѣ» обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ. Кому же не ясно, что изреченіе это надо закончить словами:

«вилами писано»...

Нед.

БЕЗОБИДНОЕ СУЩЕСТВО.

— А я, знаете, со своими войсками сдѣлалъ такую штуку: окружилъ русскую дивизию, загналъ ее въ болото, потопилъ ее тамъ и отнял 35 пушекъ!..

— Вы что же... нѣмецкій генераль?

— Нѣтъ, просто такъ поврать люблю.

СТРАННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

— Смотрите-ка: Германія объявила Россіи войну, Франція и Бельгія объявили Германіи войну, Австрія — Сербіи, Японія — объявила Германіи войну... Всѣ объявили!

— Ну?

— А я какъ разъ агентъ по сбору объявленій и таки сижу теперь безъ работы!

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ.

Въ Берлинѣ:

— Баринъ, подайте на хлѣбъ безработному...

— А ты чѣмъ раньше занимался?

— Былъ министромъ германскаго флота.

Неправду говорить весь миръ, обвиняя насъ въ томъ, что когда загрохотали пушки, полилась кровь, Германия — Гёте, Шиллера, Канта — моментально превратилась въ дикую страну. Нѣтъ, все тѣмъ же, что и до войны, остался нашъ прекрасный герой Зигфридъ...

Все тѣмъ же могучимъ и грознымъ богомъ войны остался Вотанъ...

А прекрасный Лоэнгринъ развѣ онъ измѣнился?!

Нѣтъ, онъ не измѣнился! Только, примѣняясь къ современной техникѣ войны, онъ увеличилъ количество своего оружія одной маленькой... отмычкой. Но развѣ имѣетъ значеніе какая-нибудь восьмая фунта желѣза, при современной военной техникѣ! Спросите брюссельцевъ.

Только, конечно, онъ сталъ умнѣе, умно разсуждая, что нѣсколько дѣтей враговъ = одному большому врагу.

Онъ попрежнему плыветъ въ лодкѣ, по-прежнему

ГАНСЪ КНАУБЕ — ГЕРОЙ ДНЯ.

Опытъ характеристики.

I.

Въ тихомъ зальцѣ, за спальнѣй, на мотивъ безпечальный спѣлъ будильникъ про «Рейнскую стражу», да какъ вдаритъ изъ пушки!

— Отлипай отъ подушки! Ни молений, ни просьбъ не уважу!

Сонъ, что пиво, цѣлебенъ... Но смотрѣть, какъ Тотлебенъ съ казакѣми подходитъ къ Берлину!.. Брр!.. Скорѣй просыпайся! Ну, живѣй, одѣвайся! Заводи, братъ, дневную машину.

Гансъ проснуться изволить... Эмма кофе сготовить. Эмма туфли на Ганса надѣнетъ. Эмма ласково взглянетъ и почтительно встанетъ. Гансъ почтительность Эммы оцѣнитъ...

II.

Гансъ за кофе садится... Гансъ, вѣдь, будетъ трудиться. Гансу нужно получше питаться. Дѣти смотрятъ и жмутся. Дѣти послѣ напоятся, — можетъ гуца отъ кофе остаться.

— Мы ихъ вотъ какъ ужалимъ! — Гансъ прозритъ за «Lokal'emъ», поглощая стаканъ за стаканомъ...

Разъ утроба коровья, — кушай, Гансъ, на здоровье, — дѣтвора посидитъ за диваномъ.

III.

Кротокъ, словно овечка, Гансъ не молвить словечка, — за бюро онъ въ конторѣ садится. Вся фигура — «смерть мухамъ», онъ корпитъ надъ гроссбухомъ и трудится, трудится, трудится...

Онъ доволенъ сигарой, ядовитой и старой, онъ доволенъ перомъ и бумагой, и дѣтьми, фрау Эммой, и «военной проблемой», и Вильгельмовой грозной отвагой; онъ доволенъ окладомъ, всѣмъ житейскимъ укладомъ, особливо своимъ принципаломъ, и «Lokal'я» петитомъ, и своимъ аппетитомъ... Вообще, онъ доволенъ и малымъ.

IV.

Эмма Ганса встрѣчаетъ. Эмма столъ накрываетъ. Гансъ — бѣдняжка, обѣдать садится. Гансъ вѣдь, хлѣбъ добываетъ, Гансъ, вѣдь, семью питаетъ, — Гансъ трудится, трудится, трудится...

Дѣти смотрятъ у шкапа, какъ питается папа, — ѣсть и мясо, и супъ, и картошку. И утроба же!.. Ужасъ!! Напряшись и натужась, убираетъ онъ всё понемножку.

— Уфъ! Накушался! Точка! Хлѣбца есть полкусочка, и какъ будто отъ супа остатки. Папа кушаетъ знатно, — домочадцамъ приятно, — папа сытъ, такъ и въ домѣ достатки.

Вотъ на кухнѣ сойдутся, за остатки возьмутся.

— Дѣтки, кушайте! — мамочка скажетъ... — А папаша покурить, сладко глазки зажмурить и подъ «Стражу на Рейнѣ» приляжетъ...

V.

Въ девять папочка встанетъ, маму пальцемъ подманитъ, подзоветъ-ка её да разспроситъ:

— Это что же, моль, — щечки? А вотъ это? Чулочки?! Всѣ узнаетъ, что мамочка носитъ...

VI.

Въ 10, тотчасъ за этимъ, славной Эммѣ и дѣтямъ хочетъ папочка радость доставить. Говоритъ онъ шутливо:

— Что, не выпить ль мнѣ пива? Что дѣтишекъ съ женой не забавить. Дѣти! Папа васъ любитъ, васъ лелѣетъ, голубитъ! Ну, чего, словно идолы встали?! Ну же, смѣйтесь, ликуйте, папѣ руку цѣлуйте. Дѣти, всѣ мы уходимъ въ биргалле...

VII.

Идутъ тонно и чинно, не смѣясь безпричинно, не глазѣя кругомъ на прохожихъ. Вонъ ихъ сколько тутъ — франтовъ: юнкеровъ, лейтенантовъ, сердцеѣдовъ — пшютовъ краснорожихъ.

— Эмма! Что ты краснѣешь? На красавцевъ глазѣешь? Или Гансъ уже твой — не красавецъ?! Такъ же толстъ я и красенъ и для женщинъ опасенъ. А смотрящій на Эмму — меррзавецъ!

VIII.

Толстый Шульце и Грубе, красный Шустерь и Штубе... Всѣ знакомыя, старыя лица... Гансъ супругу сажаетъ, Гансъ дѣтей размѣщаетъ и торжественно рядомъ садится. И мигнувши, шутливо, скажетъ:

— Кружечку пива!

Кельнеръ кружку для Ганса приноситъ.

— Какъ дѣлишки съ французомъ? Съ франко-русскимъ союзомъ?

Гансъ всё толкомъ у Штубе разспроситъ.

Дѣти смотрятъ пугливо:

— Папа кушаетъ пиво! Хоть глоточекъ бы свѣжей водицы!..

Эмма смотритъ пугливо, — Гансъ, вѣдь, кушаетъ пиво, а она попроситъ не рѣшится.

— Если жъ выпить?.. Что выйдеть? Можетъ быть, не увидитъ? Сохрани меня, праведный Боже!..

— Эмма!! Новое дѣло!! Эмма?! Какъ же ты смѣла?! Да на что это, Эмма, похоже?! Я тружусь, я стараюсь, я, какъ волъ, надрываюсь, — я кормлю васъ, пою, одѣваю... Ты жъ меня обманула! Ты же пива глотнула!! Знай, за что я тебя ударяю!..

IX.

Эмма плакать не смѣетъ. Эмма только краснѣетъ. Вкругъ смѣются надъ Эммой прямо.

— Уфъ, — сердиться онъ броситъ, кружку пятую проситъ...

— Пить хочу я... Ахъ скоро ли, мама?..

Гансъ стучитъ, горячится, никого не боится, — ни француза, ни русскихъ, ни бритта. Всѣхъ ихъ Deutschland раздавить, ничего не оставитъ, заявляя объ этомъ открыто.

Шульце «hoch!» отвѣчаетъ.

Штубе «hoch!» повторяетъ.

«Hoch!» кричатъ всѣ сидящія туши.

— Слава доблестнымъ цѣлямъ! Всѣ возьмемъ и раздѣлимъ: всѣ моря, океаны и суши!

— Дѣти? Что? Насладились? Что же вы притаились! Такова благодарность-то ваша?!

Дѣти крѣтко ликують, папѣ руку цѣлуютъ:

— Ахъ, мы такъ благодарны, папаша!..

X.

XI.

XII.

Эмма тихо рыдаетъ. Муженька провожаетъ.

— Взяли милаго Ганса въ солдаты! Гансъ, смѣлѣе сражайся! Гансъ, скорѣй возвращайся! Снова будешь кормить насъ тогда ты. Ты ихъ вмигъ успокоишь! Ты ихъ дюжины стоишь... Ты ихъ въ самое сердце ужалишь!..

Гансъ не очень спокоенъ...

— Взяли! Что я за воинъ?!

XIII.

Знаетъ Ганса ужаленный Калишъ.

... Дальше было похуже, дальше было потуже, какъ попалъ онъ въ казацкую мятку.

Гансъ не долго сражался, взявъ платочекъ и... сдался, и поѣхалъ съ казаками въ Вятку...

Тамъ пивныя закрыты...

Пишутъ: нѣмцы побиты!..

— Гм! Порядковъ такихъ не похвалишь! А какъ шли-то побѣдно, — всё пропало безслѣдно...

Гансъ груститъ, вспоминая Калишъ.

Евг. Вѣнскій.

ВАЖНЫЯ БУМАГИ.

— За что ты убилъ этого русскаго?

— А какъ же! Это шпионъ!! Я нашель при немъ — вотъ видишь — эти важныя для насъ государственныя бумаги.

ПОЕДИНОКЪ.

Народъ встаетъ, какъ тихій инокъ
На путь въ невѣдомую даль...
Кто вызвалъ насъ на поединокъ,
Взметнувъ сверкающую сталь?..

Кто кинуть ужасъ старой сказки
Въ глухой и мрачной тишинѣ?
Чей грозный призракъ въ мѣдной каскѣ
Угрюмо ѣдетъ на конѣ?..

Пусть остановится безликій,
Неудержимый злобный врагъ,
Пока еще при звонкомъ кликѣ
Не развернулся старый стягъ.

Мы побѣдимъ. И въ этой вѣрѣ
Пусть смолкнутъ грустныя слова:
Что значать горькія потери,
Когда душа — душа жива...

Мы побѣдимъ — и въ долгомъ боѣ
Намъ солнце весело блеснетъ
Надеждой тихаго покоя
Въ концѣ мучительныхъ невзгодъ.

Кто поблѣднѣетъ, кто смутится,
Пока въ кровавой полумглѣ
Нашъ врагъ, какъ раненная птица,
Не затрепещетъ на землѣ...

Арк. Буховъ.

ЧТО И СЛѢДОВАЛО ОЖИДАТЬ.

Нѣмецкія звѣрства и гнусность — длинный, длинный перечень.

Многіе и до сихъ поръ недоумѣваютъ.

— Помилуйте... такой культурный народъ!

— Да чѣмъ?

— Какъ чѣмъ?! Всѣмъ! Желѣзныя дороги, отели, уборныя...

— Позвольте...

— При каждой уборной чистая женщина съ чистымъ полотенцемъ...

— Стопъ! Довольно.

Вотъ она двучленная формула мощи великой германской націи.

«Школьный учитель разбилъ французскую армію, нѣмецкая уборная повела за собой культуру».

Учитель, кулакъ, уборная и культура оказались такъ крѣпко и гармонично связанными, что по любымъ двумъ членамъ можно было судить объ оставшихся.

Нѣмецкій кулакъ и уборная всегда были доступны для наблюденія; ихъ ростъ и блескъ говорили, что росла и крѣпла мощь, культура и духъ народа.

Скептики, пытавшіеся заглянуть глубже въ душу германца, неизмѣнно отступали передъ чистой женщиной съ чистымъ полотенцемъ, ибо:

— При такой уборной, какова же должна быть душа? Германскій императоръ, со свойственной ему точностью, опредѣлилъ эту душу, какъ «ка-ка-ка» — для женщины (Kleider-Küche-Kirche) и просто «ка» — для себя (Keiser).

По-русски это менѣе звучно.

Повторяю, что самой ослѣпительной для большинства лично знакомившихся съ Германіей — была именно эта сторона ея культуры.

Блѣзна плитокъ и сверканіе никкелированныхъ краповъ настолько ослѣпляли заранѣе благоговѣйно настроеннаго, русскаго, что онъ уже не видѣлъ ни варварскаго все-

проникающего безвкуси́я, ни жестокой грубости, съ которой моментально преслѣдовалось все чуть-чуть яркое, индивидуальное, красивое и непохожее, ни безгранично-тупого и хамскаго самодовольства, ни жвачнаго отсутствія порыва.

Послѣ первыхъ выступленій нѣмцевъ кто-то сравнилъ ихъ съ голымъ дикаремъ, въ воротничкѣ и манжетахъ.

Неудачное сравненіе. Воротничекъ и манжеты — вещи совершенно безполезныя, надѣваемые голымъ дикаремъ только ради чистой красоты; здѣсь уже крупица поэзіи. Нѣмецъ — голый дикарь, но въ тепломъ набрюшникѣ и съ зонтикомъ, рассчитавшій, что въ трамваѣ съ пересадкой онъ вѣрнѣе настигнетъ врага, чѣмъ устремившись за нимъ налегкѣ и во всѣ попатки.

Только это уже будетъ не дикарь, а просто нѣмецъ.

Люди, въ которыхъ умираетъ послѣдній ростокъ красоты, обращаются въ нѣмцевъ.

Я все это говорю не со зла и не подъ вліяніемъ чувства горестнаго изумленія и разочарованія, которое слышится отовсюду:

— Мы ихъ считали такими, а они оказались вонъ какими.

Нисколько.

Съ перваго моего визита въ Германію, куда я явился заранѣе растроганнымъ и влюбленнымъ, я пришелъ къ твердому рѣшенію, что нѣмцы — низшая раса, заимствовавшая отъ звѣрей однѣ дурныя стороны природы, а отъ людей — однѣ удобныя. (Въ числѣ послѣднихъ есть безспорно и очень почтенныя и нужныя.) Послѣ того я бывалъ въ Германіи еще нѣсколько разъ, пользовался ея удобствами и покидалъ съ легкимъ и радостнымъ сознаніемъ, что я — «азіать» и что азіатовъ много, много.

Приѣдутъ въ Италію или Парижъ, напьются солнца и красоты отъ Бога и человѣка, зайдутъ по пути въ уборную — Германію — и домой.

Какое же право имѣемъ мы, русское общество, недоумѣвать, удивляться звѣрствамъ нѣмцевъ въ военное время?

Какую гуманность, по отношенію къ врагу, можно требовать отъ нѣмецкаго лейтенанта или профессора, когда они смолоду приучены и пріятелю-то носы обрубать?

Помню «мензуры» гейдельбергскихъ студентовъ: становятся другъ противъ друга два упитанныхъ болвана и рубятъ другъ другу морды, норовя со щеки «котлету» срѣзать или кончикъ носа отчикнуть.

Кровь, какъ изъ разрубленныхъ свиней — льется и хлещетъ.

Что можетъ остановить такихъ отъ надругательства надъ тѣломъ и лицомъ врага, когда они и на свои-то циферблаты какъ на ветчину смотрятъ?

В. И. Немировичъ-Данченко пишетъ:

«Вчера я видѣлъ только что вернувшуюся даму съ оборванными ушами. Прусскій капитанъ, не давъ ей возможности отстегнуть серьги, вырвалъ ихъ съ кровью».

Ничего, для нѣмцевъ, удивительнаго — военное время. Въ мирное (года два-три тому назадъ) извѣстный берлинскій докторъ, вырвалъ изъ рукъ почтенной, глухой дамы слуховую трубку, для удержанія ея, въ качествѣ залога, до внесенія дамой недостававшихъ 5 марокъ.

Правильно.

Примѣровъ грубости и варварства всегда было хоть отбавляй, и, тѣмъ не менѣе... кулакъ и уборная. Какъ было спорить противъ такихъ доказательствъ?

Достаточно было одного взгляда туда и сюда, чтобы понять, какъ нѣмцы культурны и какіе мы — варвары.

Мы кланялись, изумлялись, улыбались и возвращались домой. Въ восторгѣ, но съ чувствомъ какого-то страннаго облегченія — неопредѣленнаго, но понятнаго каждому, въ комъ есть хоть на іоту жажда къ красивому, кто любитъ женщину, какъ аккордъ тѣла и духа, а не конструкцію изъ расчета и мяса, кто любитъ румянецъ, а не потъ, дыханіе, а не отрывку, солнце, а не Осрамъ, степной вѣтеръ, а не вонь сигары.

Сколько разъ въ Брюсселѣ, когда нѣмцы уже ворвались въ предѣлы Бельгіи, я слышалъ этотъ изступленный крикъ:

— Je suis Belge! Я — бельгіецъ! Мы не хотимъ войны!

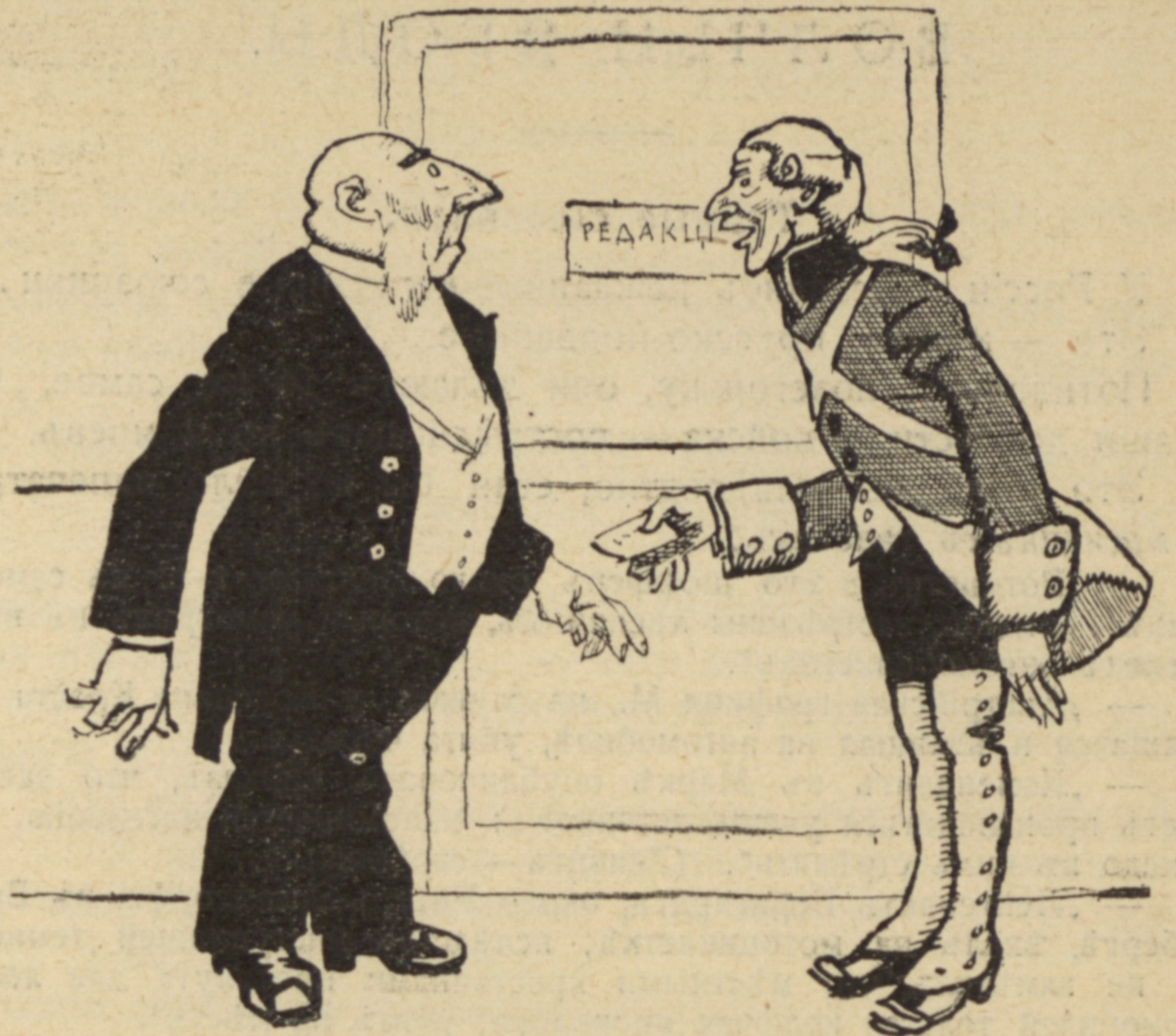
И потомъ:

— Но ужъ если воевать, то рядомъ съ французами, а не съ нѣмцами. Французы — люди, а нѣмцы — свиньи!

И въ рядахъ дерущихся оказался пятидесятилѣтній Метерлинкъ — настоящій бельгіецъ и настоящій художникъ, человѣкъ съ двойнымъ правомъ ненавидѣть нѣмцевъ — свиней въ идеальной чистой уборной.

Кулакъ и уборная.

Георгій Ландау.

СВОИ.

Нѣмецкое агентство Вольфа все время кормитъ публику ложными телеграммами о побѣдахъ австрійцевъ и германцевъ.

- Это агентство Вольфа?
— Да. Что вамъ угодно? Вы кто?
— Свой, свой. Я баронъ Мюнгаузенъ.

КАЙЗЕРЪ И РОКЪ.

Басня.

„Пусть огньи́я имя Германіи вызываетъ такой страхъ въ Китаѣ, что ни одинъ китаецъ не посябуетъ косо взглянуть на нѣмца.“

Изъ рѣчи Вильгельма.

- «Такъ вотъ рѣшеніе вопроса! —
Воскликнулъ кайзеръ какъ-то разъ; —
Я отдаю приказъ,
Чтобы не смѣлъ китаецъ косо
Смотрѣть на насъ!!»
И послѣ этой грозной рѣчи
Съ китаецемъ встрѣтился пруссакъ;
Китаецъ мой попалъ впросакъ! —
— «А, такъ?! —
Пруссакъ вопилъ, обрадовавшись встрѣчѣ, —
Средь бѣла дня
Взглянулъ ты косо на меня!!
Пожалуй къ кайзеру; отсюда недалече!..»
И нѣмцу въ ноги бухъ
Китаецъ бросился, спасти пытаюсь духъ,
Но нѣмецъ былъ суровъ и сухъ,
И — предвкушая славу —
Китайца къ кайзеру тащилъ онъ на расправу...
— «Вотъ, — доложилъ онъ, — такъ и сякъ!
Въ немъ подчиненья пылъ изсякъ:
Сегодня на меня взглянулъ китаецъ косо!!»
— «Въ восторгѣ я отъ твоего доноса! —
Сказалъ Вильгельмъ, — преступника казни!
Китайцевъ не терплю: ослушники они!
О, длиннокосые, о, желтые уроды!!»
— «Напрасна гнѣва вашего проза! —
Китаецъ вымолвилъ, — таковъ я отъ природы:
Самъ Рокъ китаецамъ всѣмъ косо далъ глаза!..»
— «Нѣтъ, вижу я, померкъ твой куцый разумъ:
Ты — отъ природы косоокъ? —
Вильгельмъ китаицу рѣкъ,
Но долженъ слѣдовать и Рокъ
Всѣмъ Гогенцоллерна приказамъ!!»

И голову снесли китаицу разомъ!..

Мих. Пустынинъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Тайные союзники.

У России отыскались неожиданные-негаданные союзники...

Это — немцы, прусско-подданные.

Потихоньку, полегоньку, они дѣлают то же самое, что и наши доблестныя войска — пострѣливаютъ въ немцевъ.

Это было бы невѣроятно, если бы не было напечатано въ *нѣмецкихъ* газетахъ:

— „Ротмистръ и его шофферъ, около Нейдама, т.е. въ самомъ сердцѣ Германіи, застрѣлены лѣсничимъ, который усмотрѣлъ въ нихъ русскихъ автомобилистовъ“.

— „Австрійская графиня М., на службѣ у Краснаго Креста находящаяся и ѣхавшая на автомобилѣ, убита часовымъ“.

— „Комендантъ въ Маркѣ опубликовалъ приказъ, что завтра будетъ производиться ученіе летчиковъ: напоминаетъ населенію, что не надо въ нихъ стрѣлять“. (Значитъ — стрѣляли?).

— „Лейтенантъ Бернгардтъ, около Унтеръ-Эссендорфа, въ Вюртембергѣ, ѣхалъ на мотоциклеткѣ; вслѣдствіе наступившей темноты онъ не замѣтилъ, что мѣстными крестьянами протянута для ловли автомобилей толстая колючая проволока; убитъ на мѣстѣ“.

Мы знаемъ случай, когда одна мошенническая компанія завезла какого-то остроумнаго джентльмена глухой ночью въ пустынный домъ и приступила къ суду надъ нимъ, грозившему ему смертью.

Что же сдѣлалъ этотъ остроумный джентльменъ? Ловкимъ ударомъ кулака онъ разбилъ лампу, отвѣсилъ кому-то затрещину и, пробравшись стѣночкой къ выходу, надѣлъ въ передней пальто, открылъ потихоньку дверь и, посвистывая, побрелъ домой.

А въ большой залѣ пустыннаго дома, погруженной въ полный мракъ, происходила страшная битва: всѣ мошенники сваялись въ одну кучу и, остервенясь, колотили другъ друга, чѣмъ попало, въ полной увѣренности, что они увѣчатъ мирнаго остроумнаго джентльмена.

Этотъ случай аналогиченъ съ нѣмецкимъ потому, что немцы все время ловятъ какой-то „русскій автомобиль груженный золотомъ“, который, конечно, давно уже втихомолку прошмыгнулъ по адресу.

Бережливыя нѣмецкія хозяйки.

Варшава. По мнѣнію компетентныхъ лицъ, изучавшихъ техническую сторону прокламацій къ полякамъ, разбросанныхъ съ нѣмецкихъ аэроплановъ, съ несомнѣнностью явствуетъ, что прокламаціи напечатаны 15 лѣтъ тому назадъ, когда еще не существовало ротационныхъ машинъ.

Не заключается ли тутъ настоящее объясненіе причины, по которой немцы объявили намъ войну?

Лежали, лежали у нихъ отпечатанныя прокламаціи къ полякамъ — немцы и подумали: чего имъ зря пропадать, объявимъ войну! — взяли и объявили.

Такова нѣмецкая хозяйственность и стремленіе къ утилитарности.

Освободительная война

За два дня въ Петербургѣ уничтожено свыше 20,000 вывѣсокъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Большой процентъ уничтоженныхъ вывѣсокъ падаетъ на колбасныя, булочныя и пивныя.

Двадцать тысячъ!

Какъ странно: оказывается, что Петербургъ былъ въ плѣну у немцевъ *до войны*.

Такимъ образомъ эту войну надлежитъ назвать не „отечественной“, а:

— Освободительной.

И ты, Брутъ!

Какихъ только чудесъ теперь не происходитъ среди бѣла дня:

Вернулся изъ-за границы извѣстный по бейлисовскому процессу Шмаковъ. Характерно для переживаемаго времени настроеніе этого лидера російскаго націонализма. Онъ говоритъ, что евреи проявляютъ большой патриотизмъ въ своихъ манифестаціяхъ. Его радуютъ такія выступленія евреевъ.

„Я отнынѣ привѣтствую объединеніе національностей Россіи. Отнынѣ дѣло національной травли, дѣло вражды и распрей прекращено“.

Думалъ ли когда-нибудь „Новый Сатириконъ“ попасть въ ряды единомышленниковъ Шмакова?..

Новая опасность для немцевъ.

Изъ Стокгольма сообщаютъ:

Власти города Штутгарта издали объявленіе,

воспреещающее женщинамъ бросать на французовъ пламенные взгляды и угощать сладостями.

Это только доказываетъ, что у бѣдныхъ нѣмокъ хорошій вкусъ, а власти города Штутгарта въ этихъ вещахъ ничего не понимаютъ и потому могли бы глупыхъ приказовъ и не издавать...

Герой.

Оставимъ память на страницахъ „Нов. Сатирикона“ объ этомъ человѣкѣ:

Парижъ. Сообщаютъ о слѣдующемъ геройскомъ подвигѣ защитника форта Шюфонтон у Льежа, коменданта Канежа. Видя, что фортъ неминуемо долженъ перейти въ руки немцевъ, Канежъ, чтобы не дать врагу водрузить свой флагъ на развалинахъ форта, взорвалъ его вмѣстѣ съ собой и защитниками форта.

Бельгія не забудетъ его.

Бездарность и талантъ.

М. О. Меньшиковъ въ „Нов. Времени“ приводитъ интересное разсужденіе о качествахъ нѣмецкой кавалеріи:

Характеренъ фактъ, что одинъ донской казакъ, сражаясь съ 22 нѣмцами, зарубилъ одиннадцать изъ нихъ и излѣчивается отъ 16 колотыхъ ранъ. Ясно, что казакъ нашъ рубилъ, какъ слѣдуетъ, а его кололи, какъ не слѣдуетъ, ибо изъ 16 ранъ ни одна не оказалась смертельной. Технически это называется плохой работой.

Настолько плохая, что раненаго казака Крючкова ждали въ Москвѣ, а онъ не пріѣхалъ. Два же его товарища, прибывшіе въ Москву, сообщили, что раны Крючкова отнесены къ разряду легкихъ, и онъ ограничился полевымъ лазаретомъ, откуда уже выписался.

Бабы.

Въ этихъ же „Волчьихъ ягодахъ“ (см. выше) читатель найдетъ сообщеніе изъ Стокгольма о приказѣ коменданта Штутгарта, обращенномъ къ нѣмецкимъ женщинамъ — не бросать на французскихъ плѣнныхъ жгучихъ взглядовъ и не угощать ихъ конфетами.

А вотъ, какіе взгляды бросаютъ на австрійцевъ русскія бабы.

На пограничной станціи Бамень спустился непріятельскій аэропланъ. Къ мѣсту спуска съ сосѣднихъ полей спѣшила толпа деревенскихъ бабъ, которыя вцѣпились въ летчиковъ и въ аэропланъ. Австрійцы стали грозить браунингомъ, но бабы не пускали и держали враговъ до тѣхъ поръ, пока не прискакали стражники, которые арестовали летчиковъ.

Можно ли послѣ этого сказать, что немцы воюютъ, какъ бабы?

Мы думаемъ, для русскихъ бабъ это оскорбительно.

Нехорошее занятіе.

Въ „Вечерн. Биржевыхъ“ находимъ такой заголовокъ:

Дочь Вильгельма II разжигаетъ страсти берлинской черни.

И не стыдно такой титулованной барышнѣ такимъ пустымъ дѣломъ заниматься?..

Чудеса въ рѣшетѣ.

На закуску считаемъ нужнымъ привести такой удивительный случай:

Недавно на Казанской улицѣ ломовой извозчикъ Бодровъ, увязывая груженный мебелью возъ, перебросилъ черезъ него веревку. Въ это время мимо проѣзжалъ грузовой автомобиль. Вмѣстѣ съ шофферомъ сидѣлъ артельщикъ П. Н. Перелетѣвъ черезъ возъ, веревка обвилась вокругъ шеи Н. Еще мгновение и артельщикъ былъ бы задушенъ, но, къ счастью, онъ схватился за веревку руками, а шофферъ во-время остановилъ моторъ. Тѣмъ не менѣе, кожа съ шеи была сорвана.

Къ счастью, все окончилось благополучно...

Но можно себѣ вообразить, какъ обидно, когда человѣкъ умираетъ отъ такой сложной причины.

— Отъ чего умеръ вашъ другъ?

— Да онъ, знаете, ѣхалъ на моторѣ.

— Ну?

— А около стоялъ возъ...

— Ну?

— А ломовикъ перебрасывалъ веревку черезъ возъ...

— Ну?

— Перебросилъ веревку, а она и обвилась вокругъ шеи ѣхавшаго друга.

Онъ, видите ли, завязывалъ вещи...

— Ну?

— Петля и затянулась...

„Подозрительно это что-то, — подумаетъ спрашивающій... — Врешь все. Навѣрное, самъ удушилъ друга, а потомъ выдумываешь небылицы!“

Все хорошо, что хорошо кончается!...

Л Ъ Е Ж Ъ .

Когда рабы слѣпой гордыни
Свою стотысячную рать
Вели на чуждыя твердыни
Побѣдоносно умирать,
И озвѣрѣлые отряды
У непредвидѣнной черты,
Презрѣвъ опасности преграды,
Пошли стѣною на форты, —
Тогда на Льежскіе окопы,
На этотъ жертвенный очагъ
Лицо измученной Европы
Взирало съ ужасомъ въ очахъ,
И стономъ гулкаго набата
Печальной Бельгіи сыны
Встрѣчали зарево заката
Своей поруганной страны.

Но часъ насталь. На полѣ брани,
Подъ несмолкаемое «hoch!»,
Сошлись сверкающія грани
Мечемъ разсѣченныхъ эпохъ;
И къ исторической развязкѣ,
Кровавымъ жребіемъ горды,
Пошли сверкающія каски
Цивилизованной орды.
Взвилась сигнальная ракета,
Проснулась каменная твердь,
И мимо тяжкаго лафета
Прошла невидимая смерть.
Минуты шли... Форты молчали...
Взирая грозно на луга,
Они молчаніемъ встрѣчали
Непримиримаго врага;
И только въ сумрачныя дали
Дышали черныя круги,
Да тихо дула осѣдали,
Слѣдя послѣдніе шаги.
Но вотъ надъ прусскими штыками
Метнулась гулкая волна,
И золотыми языками
Одѣлась черная стѣна...
Завыли радостныя дула,
Вздохнула грозная скала
И гуломъ буйнаго разгула
Смела кровавая тѣла...
И пали дерзкіе отряды,
Огнемъ зажатые въ тиски,
И рвали жадные снаряды
Чужіе трупы на куски;
Живое зарево заката
Одѣлось облакомъ сѣдымъ,
И слава прусскаго солдата
Подъ нимъ растаяла, какъ дымъ.
И пали черныя тенета,
Вѣка сжимающія міръ,
И рухнулъ глиняный кумиръ
Подъ ношей собственнаго гнета...

Когда же смолкнули удары,
И черный геній отлетѣлъ,
И полевые санитары
Убрали горы мертвыхъ тѣлъ, —
Тогда на Льежскіе окопы,
На этотъ доблестный очагъ,
Лицо восторженной Европы
Взглянуло съ гордостью въ очахъ:
Зане на немъ разбилась слава
Двуличныхъ «братъевъ во Христѣ»,
Что «правомъ силы» «силу права»
Распяли нагло на крестѣ.

Владиміръ Воиновъ.

В И Н Т Ъ .

(По Чехову.)

Былъ чудный іюльскій день, полный нѣги, когда ангель
мира ѣхалъ домой изъ загороднаго сада.

Проѣзжая мимо какого-то огромнаго дома, ангель мира
услыхалъ шумъ, ржаніе, стрѣльбу, лязгъ желѣза и стоны ра-
неныхъ...

— Что за чортъ! Я, кажется, слышу голоса диплома-
товъ? — сказалъ онъ и велѣлъ шоферу подъѣхать къ
дому.

Дверь была отперта, и ангель мира свободно вошелъ.
Пройдя нѣсколько комнатъ, — онъ очутился въ огромной
залѣ, гдѣ за столомъ сидѣли дипломаты и вели какую-то уди-
вительную игру.

— Вотъ видите, — говорилъ нѣмецкій дипломатъ австрій-
скому. — У меня на рукахъ подъѣздные пути и Круппъ. Я
беру у нихъ Польшу, Финляндію, а вы выходите съ Проску-
рова... 1-ый гусарскій полкъ...

Русскій дипломатъ сдержанно и кратко сказалъ:

— А мы его по зубамъ, по зубамъ... Выходите, сэръ
Асквигъ...

— Хожу съ флота!.. — сказалъ англичанинъ.

Нѣмецъ испуганно заговорилъ:

— Позвольте, это не игра! Такъ не играютъ! Я не
желаю!

— Почему? У васъ какъ, безъ козырей? Такъ вы такъ
и объявите...

Игра становилась интереснѣе.

Нѣмецъ позвалъ кого-то:

— Синьоръ, мы съ вами — играемъ вмѣстѣ?

Итальянецъ отозвался:

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Мнѣ не хочется играть. Я лучше
тутъ почитаю!

Нѣмецкій дипломатъ едва не выронилъ карты изъ рукъ.

— Какъ не хочется?

— Да такъ! Я не люблю картъ вообще, а тутъ еще съ
такими сильными противниками... Не буду играть.

И отошелъ въ сторону.

Ангель мира сталъ въ дверяхъ, но играющіе стороны были
такъ заняты своими спорами, что даже не замѣтили его...
Игра продолжалась. Слышались возгласы:

— Пять въ пикахъ.

— Шесть въ артиллеріи.

— Малый шлемъ, — сказали дипломаты тройственнаго
союза.

А маленькій бельгіецъ тихо, но рѣшительно сказалъ:

— Пока у меня большой шлемъ.

Нѣмецъ прошепталъ:

— Я пасъ!

— Да выходите же, выходите съ артиллеріи, — залепе-
тала Австрія.

— А мы ее Льежемъ, Льежемъ покроемъ.

Нѣмецъ теребилъ свои усы... Послѣ нѣсколькихъ хо-
довъ англичанина, — онъ выругался и сказалъ:

— Я уже безъ трехъ...

И тихо, чуть слышно добавилъ:

— Броненосцевъ!..

— Нѣтъ, извините, вы безъ четырехъ, — сказалъ на-
нося ударъ бравый французскій артиллеристъ...

Игра становилась все интереснѣе и интереснѣе.

— Большой шлемъ! — объявилъ русскій дипломатъ.

— Вы въ чемъ играете? — вѣжливо спросила Голландія.

— Да я могу въ чемъ угодно, — сказала дипломатъ, —
хотите въ пикахъ, хотите въ пѣхотѣ, хотите въ кавалеріи.

— Только не ходите съ казаковъ, — сказалъ австрій-
скій дипломатъ, пугливо озираясь на нѣмца. — Не надо въ
пикахъ!..

— Пики! — сказалъ русскій дипломатъ.

За нимъ пошелъ французскій:

— А ну-ка, — какъ вы справитесь съ Эльзасомъ...

Въ это время кто-то крикнулъ:

— Господа, Турція плутуетъ. Она чужіе корабли заби-
раетъ въ Дарданеллы...

Турція испуганно закричала:

— Ей Богу, это мои! Я купила, я выиграла, это моя
взятка...

Англія и Россія положили руку на плечи Турціи и ска-
зали:

— Отдай обратно нѣмцамъ ихъ корабли и перестань
играть.

Турція заплакала:

— Это не я, это Сандерсъ. Я пассъ!

— Играете или нѣтъ? — строго спросили союзныя державы...

— Нѣтъ, я не играю! Я лучше не буду играть. Я эти чужія карты не для игры.

Турцію удалили отъ стола. Играли, собственно, Англія, Франція, Россія, Бельгія, Германія съ Австріей и еще Сербія.

— А ну-ка, давайте мнѣ вашъ Парижъ! — говорилъ нѣмецъ, — я тамъ буду обѣдать.

— А мы васъ Бономъ и Санъ-Мари!

Австрія возмущенно заговорила:

— Вы играете, какъ сапожникъ, господинъ берлинецъ. Вы меня увѣряли, что играете очень хорошо, а теперь что же это такое?!

— Такъ я же правильно хожу, — оправдывался нѣмецъ. — Я не зналъ, что наши партнеры такъ хорошо выучились играть...

— Пятьдесятъ лѣтъ не играли! — засмѣялся французъ.

— Нѣтъ, у насъ практика была! — сказалъ русскій дипломатъ... — Мы играли лѣтъ десять тому назадъ. Хорошо выучились играть... Большой шлемъ

Нѣмецъ пугливо сказалъ:

НѢМЕЦКІЙ ЮМОРЪ.

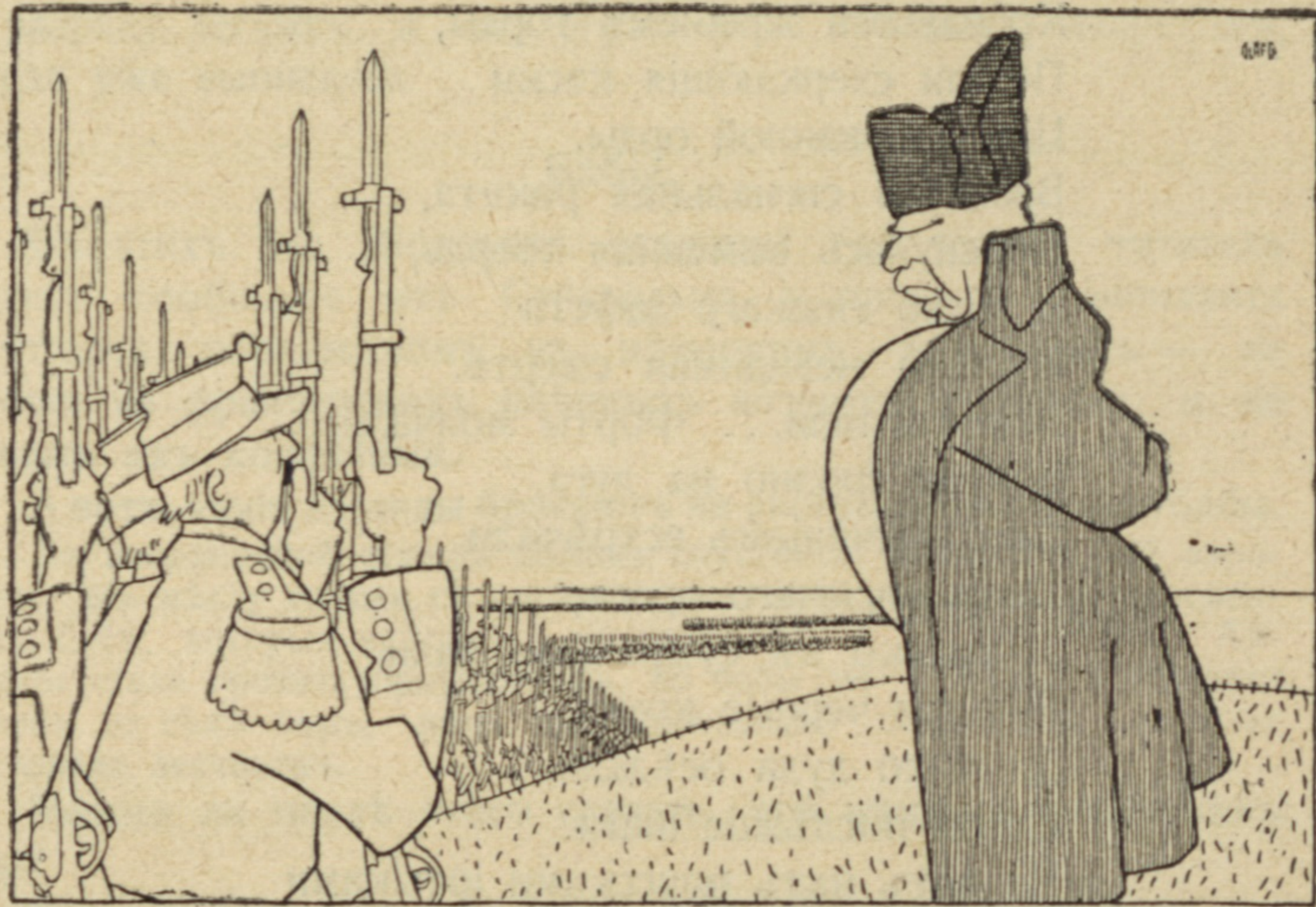
Нѣмцы, потерявшіе десятки тысячъ людей во время „прогулки“ по Бельгіи, не одержавшіе до сихъ поръ ни одной значительной побѣды, отступающіе отъ равнаго имъ по количеству врага, даютъ совѣты французамъ и англичанамъ, что имъ надо дѣлать, „чтобы побѣдить ихъ“.

Эти рисунки заимствованы нами изъ нѣмецкихъ журналовъ. Ред.

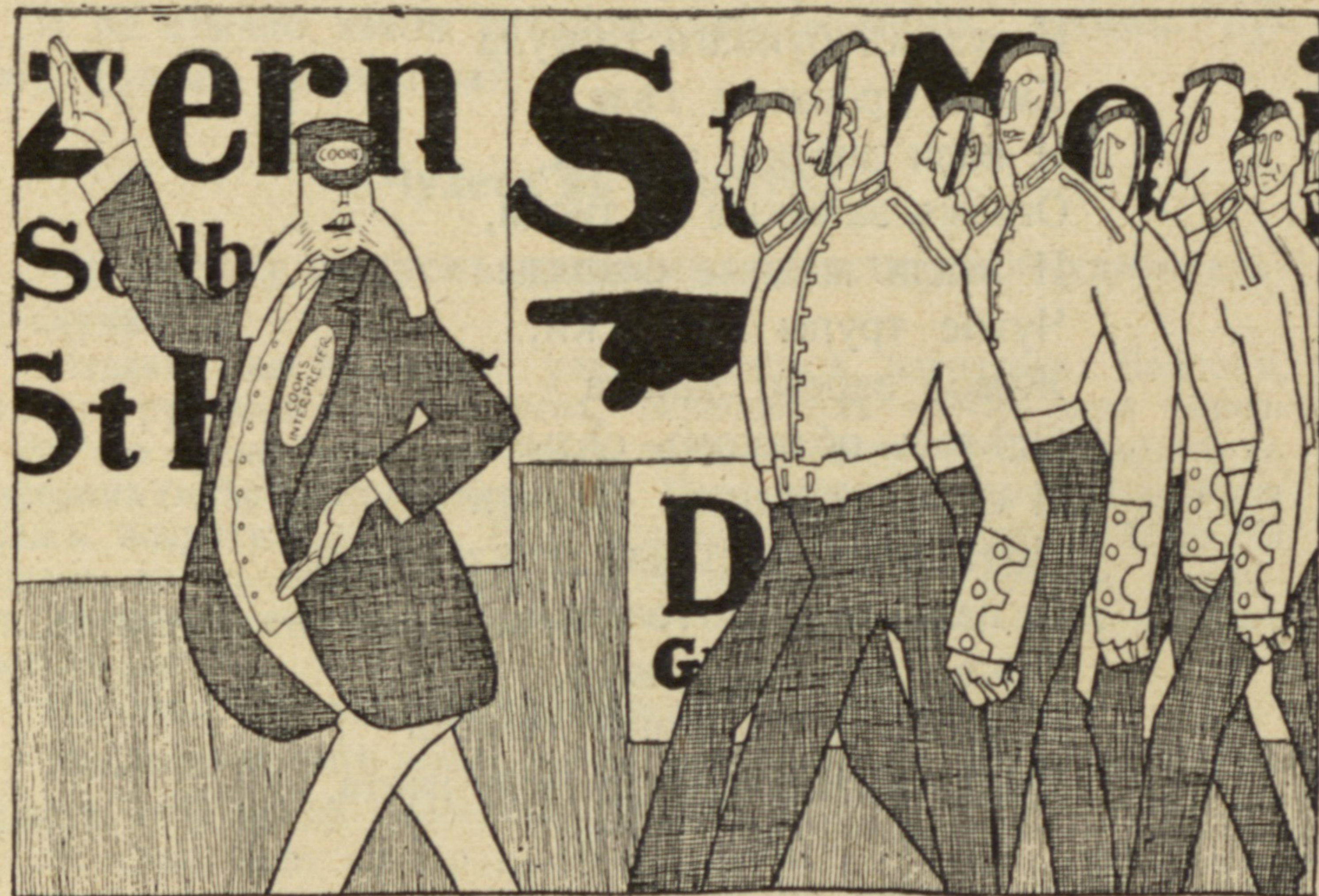
ПОСЛѢДНЕЕ СРЕДСТВО.

Французы должны нарядить Сарру Бернаръ Жанной Д'Аркъ й, хорошенько перевязавъ ее проволокой, пустить впереди французовъ.

Мы, нѣмцы, жалѣя бѣдныхъ французовъ, готовы даже имъ уступить Поссарта, одѣтаго въ костюмъ Наполеона I. Пусть онъ вдохновитъ ихъ передъ новой битвой подъ Ватерлоо.

Послѣ долгихъ споровъ, — кого выбрать главнокомандующимъ, — англичане рѣшили выбрать старшаго служащаго Общества Кука. Никто лучше его не знаетъ карту Германіи, а также и ея увеселительныя мѣста.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Въ скоромъ времени издательство „Нов. Сатириконъ“ выпускаетъ серію отдѣльныхъ рисунковъ, относящихся къ войнѣ (въ краскахъ), и рядъ открытыхъ писемъ того же характера.

— Господа, можетъ быть, — мы другой робберъ начнемъ?
 — Играйте, играйте! Вашъ ходъ... — закричали всѣ.
 Игра продолжалась. Ангелъ мира нерѣшительно подошелъ къ столу:
 — Позвольте и мнѣ съестъ поиграть, — робко сказала онъ.
 Играющіе отвѣтили:
 — Теперь еще рано!.. Уходите, намъ некогда!

Только нѣмцы, съ надеждой во взорѣ, прошептали:
 — Почему, пусть посидитъ! Онъ не помѣшаетъ намъ.
 Но ихъ голосъ не былъ услышанъ: винтъ продолжался.
 Незнакомецъ.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

RESTAURANT FRANÇAIS ALBERT Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61	Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte. Cuisine française et italienne. Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.
--	--

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ? за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ	ВЪ РЕСТОРАНѢ „БЪЛГРАДЪ“ Ивана Сергѣевича СОКОЛОВА ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.	Комфортабельные кабинеты. Торг. до 3-хъ ч. ночи.
---	--	---

БАРЪ-ЭКСПРЕССЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерининскій каналъ, 14 (Второй домъ отъ Невского пр.) Телеф. 66—89 и 251—83.	ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ОБРАЗЦОВЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ РЕСТОРАНЪ Буфетъ — АЛЯ-ХАВЕЛКА, разнообразныя холодныя и горячія закуски. ЗАВТРАКИ, ОБѢДЫ и УЖИНЫ а рѣх-ѣхе и по картѣ. Первоклассная кухня Специальный погребеъ лучшихъ заграничныхъ винъ ПРЕВОСХОДНЫЕ АМЕРИКАНСКІЕ НАПИТКИ УЮТНЫЕ, СТИЛЬНЫЕ КАБИНЕТЫ. >< Катчикъ и К ^о .
---	---

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.	„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“	2-й годъ изданія.
3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ		3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.
 Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО
„О ХОРОШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.
 Книга новыхъ юмористическихъ разсказовъ.
 Цѣна въ обложкѣ работы худ. РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.
 Книга новыхъ разсказовъ.
„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.
 Обложка работы художника РЕ-МИ. Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.
РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ.
 (Всѣ выпуски — изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

А. МЮРЖЕ.
„БОГЕМА“.
 РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.
 Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.
 Театральная бібліотека. 3 тома. Въ изящной обл. художника ЧЕХОНИНА. Цѣна каждаго тома 2 руб.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
КОМПЛЕКТЫ „НОВАГО САТИРИКОНА“.
 Съ 1-го іюня по 31-е декабря 1913 года.
 Въ роскошномъ переплетѣ съ тисненіемъ золотомъ.
 Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб.
 Продается въ конторѣ журнала „Новый Сатириконъ“. Спб., Невскій, 98.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО
„БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ“ — ПЬЕСЫ И ВОДЕВИЛИ
 Томъ IV. Обложка работы С. Чехонина. Цѣна 2 рубля.
 Содержаніе: Трудный случай. НА ВОЛГѢ. Четверги. ОДЕС. ИТЫ. Сюета сюеть. Вчера и сегодня. Сердце матери. Павиль. Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть. Товарищъ.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.
„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.
 Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ӨОМА ОПИСКИНЪ.
СОРНЫЯ ТРАВЫ.
 Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.
 Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.
„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“
 ПАРАДОКСЫ и СИЛУЭТЫ
 Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 98.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.
„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.
 ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.
 ОГЛАВЛЕНІЕ.
 Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.
 Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая бібліотека „НОВАГО САТИРИКОНА“.
 № 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.
 Цѣна каждой книжки 10 коп.

ПОСЛѢДНІЙ УДАРЪ.

Францъ-Иосифъ: — Посмотри, Вилли, какое пріятное зрѣлище: тамъ, на горизонтѣ, полякъ душитъ русскаго...
Вильгельмъ: — Эхъ, ты, слѣпая тетеря! Они просто обнимаются!..